

В.В. СОГРИН*

АРХЕТИПЫ И ФАКТОРЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ США

На современном этапе отечественным обществознанием были восприняты новые теоретические принципы и подходы. Одним из них стал **цивилизационный подход**, сегодня широко используемый практически всеми социальными и гуманитарными дисциплинами. В настоящей статье предпринята попытка раскрыть возможности данного подхода при изучении США¹. На мой взгляд, это поспособствует упрочению научных позиций при изучении американского общества на самых разных его этапах, в том числе и современном.

Признание и использование цивилизационного подхода означает одобрение понятия «цивилизация» применительно к пространственно-временным регионам или даже к отдельным странам. И уже давно оно стало использоваться многими исследователями, среди которых в только что минувшем XX столетии классиками были признаны, например, такие знаменитые авторы как А.Дж. Тойнби, Ф. Бродель, Ч. Бирд. Но между ними не было достигнуто единства в определении точного смысла понятия «цивилизация», равно как и согласия в классификации цивилизаций, признании их общего количества, даже в регионально-страновых обозначениях. Не достигнуто такое единство и среди современных российских обществоведов. Вместе с тем в определении типологии цивилизаций существует «мейнстрим», присоединяясь к нему, я отношу США к наиболее распространённому типу цивилизаций, обозначаемых как **локальные**. Локальная цивилизация в своём общественно-историческом развитии демонстрирует преемственность основополагающих экономических, политических и особенно социокультурных характеристик, и эти характеристики в значительной мере оказываются доминантами её внутренней структуры и эволюции. Соединённые Штаты обладают характеристиками, типичными для западной цивилизации в целом, но в их развитии наличествуют также архетипы и факторы, присущие только им.

---

* **СОГРИН Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала «Общественные науки и современность».** Copyright © 2009.

¹ В отечественной американистике пока отсутствуют специальные исследования, посвящённые теоретическому раскрытию цивилизационного подхода при изучении США, хотя многие авторы пользуются им на эмпирическом уровне. Среди недавних попыток привлечь внимание к этой проблеме можно отметить конференцию «Североамериканская цивилизация в глобализирующемся мире», проведённую в Институте мировой экономики и международных отношений РАН. Об итогах конференции см.: Рашковский Е. Цивилизационные парадоксы США: взгляд из России. – «МЭ и МО», 2007, № 9.

В целом можно говорить о цивилизации США как самостоятельном историческом феномене.

Некоторые из факторов, например, отсутствие в американском прошлом феодализма или наличие фронта, признавались советскими американистами, но отнюдь не в целях выявления сущностных черт американского общества, а для характеристики особенностей капиталистической общественно-экономической формации США. Цивилизационный же подход выясняет, каким образом подобные факторы влияли на сущностные черты американского общества. В статье рассматриваются также архетипы американской цивилизации. В чём различие между факторами и архетипами? Оно в значительной мере условно, ибо многие архетипы выступали и как факторы американской цивилизации, а ряд факторов превращался в архетипы. Но различие между ними существует.

Архетип применительно к различным объектам и в разных научных дисциплинах имеет неоднозначные трактовки, а относительно цивилизации он может быть определён как её *исходная* сущностнообразующая форма – модель, которая по преимуществу имеет социокультурное выражение, т.е. определяет ценностные установки и нормы поведения сообщества и индивидуумов. Этот архетип материализуется в экономических результатах деятельности общества, социальных взаимоотношениях, во внутренней и внешней политике. Самые прочные архетипы сопутствуют цивилизации на всех её этапах, иначе говоря, из её «родового кода» они становятся её прочными постоянными факторами. В ходе же развития цивилизации могут возникать новые важные сущностнообразующие факторы, которые, не будучи её «родовым кодом», в состоянии приобретать не менее, а то и более важное значение, чем архетипы. При этом для всех последующих поколений они могут становиться «родовым кодом», т.е. архетипом.

В американской исследовательской литературе нет единства в определении важнейших архетипов и факторов цивилизации США. В одном классическом исследовании указывается, что в качестве главных факторов, способствовавших успеху цивилизации США, чаще всего выбирают такие, «как конституция, индивидуалистический капитализм и фронт»². В другом исследовании основополагающего архетипа успешной американской цивилизации таковым выступает либерализм в его локковском варианте³. А такой известный современный политолог и культуролог, как С. Хантингтон, видит его в английском протестантизме⁴. Ещё один современный американский мэтр, Д. Белл, доказывал, что фактором, позволившим США возвыситься над другими цивилизациями, в том числе и западными, являлось уникальное по сво-

---

² Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединённых Штатах сегодня. Тт. 1–2. М., 1992, т. 1, с. 42.

³ Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993.

⁴ Huntington S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N.Y., 2004, pp. 81–106.

им позитивным характеристикам гражданское общество⁵. Наконец, напомню, что первый общепризнанный классик в исследовании американской цивилизации, А. де Токвиль, считал её основополагающим фактором демократию⁶.

Все эти аналитические выкладки зарубежных исследователей, так же как и разработки отечественных авторов (среди них наиболее полезными были работы Э.Я. Баталова⁷) учтены мною. Замечу также, что данная статья не претендует на окончательные и исчерпывающие ответы и может рассматриваться как один из подступов к важной теоретической проблеме изучения США.

Из архетипов и факторов американской цивилизации можно, как представляется, выстроить определённую иерархию, выделить наиболее весомые из них и даже назвать **главный фактор**. Таковой можно обнаружить во многих цивилизациях, и в научном плане это важно, поскольку именно он часто выступает в качестве своего рода оси цивилизационного развития, определяет его основные сущностные черты на самых разных этапах. Например, в российской цивилизации главным фактором, за редкими историческими исключениями, оказывалось государство, поэтому здесь употребимо определение **властесцентричная цивилизация**. Её органическая привязанность к государственной власти объясняет многие драматические неудачи в привитии ей начал цивилизации противоположного толка, в центре которой находится не государство, а индивидуум. И именно к таким цивилизациям относятся США.

Главный фактор цивилизации Соединённых Штатов, который оказывал на протяжении всей истории страны огромное, в целом ряде отношений определяющее воздействие на все сферы общества и, что особенно важно при изучении цивилизации, доминировал в национальной культуре, мне представляется возможным обозначить как **либерально-капиталистический индивидуализм**. Данное понятие содержит в себе сразу три ключевых слова, каждое из которых имеет принципиальное значение. Понятие «индивидуализм» означает, что на протяжении всей американской истории отдельный индивидуум рассматривался и предстал в качестве самостоятельного и главного субъекта общества, полностью собой распоряжающегося, ответственного как за реализацию своих возможностей и способностей, так и за собственное благополучие. Совокупность усилий свободно действующих «экономических» и «политических» индивидуумов в американской цивилизационной парадигме выступает в качестве фундамента благополучия и прогрессивного развития общества в целом.

Однако индивидуализм так или иначе присутствовал и в предшествующих обществах, его пестовали ещё в Древней Греции и Древнем Риме. Кроме того, в однотипных с США капиталистических обществах он также является

---

⁵ В e l l D. «American Exceptionalism» Revisited: The Role of the Civil Society. – «The Public Interest», 1989, No. 95.

⁶ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 2000.

⁷ См. например, Б а т а л о в Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990; его же. Русская идея и американская мечта. – «США ❖ Канада», 2000, № 11, 12; его же. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005; его же. Человек, мир, политика. М., 2008.

важной цивилизационной ценностью. Но американский вариант всё же обладает такими национальными особенностями, из-за которых я попытался обозначить его как *либерально-капиталистический* (для индивидуализма в западноевропейских странах я бы счёл необходимым поискать иное сочетание). Это определение, в котором важны оба понятия, подчёркивает особую, наивысшую степень развития индивидуализма именно в американской цивилизации. Оно призвано подчеркнуть также особую направленность его на достижение материальных целей, экономического благополучия и выгоды. Конечно, индивидуализм способствовал реализации самых разных возможностей личности, но в Соединённых Штатах, возникших сразу в качестве буржуазного общества, главным мерилom индивидуального успеха всегда выступал успех материальный, приобретение и умножение собственности и богатства. Не случайно первый выдающийся национальный ум Америки, Бенджамин Франклин, преуспевший практически во всех жизненных сферах, занявший в качестве философа место в одном ряду с Вольтером и Дидро, сформулировал жизненные заповеди, которые трудно представить в устах западноевропейских просветителей. «Пустой мешок не стоит», «время – деньги». Эти максимы Франклина превратились в США в национальное кредо.

С самого начала либерально-капиталистический индивидуализм выступал в Америке в качестве *именно общенациональной ценности, а не только как кредо одного буржуазного класса*. Его разделяли если не все классы и социальные группы, то их большинство, благодаря чему смягчались классовые конфликты даже в условиях присутствия самих этих классов в социально-экономической структуре. (В этом смысле либерально-капиталистический индивидуализм играл в США такую же роль, какую, скажем, в Индии – цивилизации противоположного типа играла кастово-варновая культура). Большинство американских рабочих всегда разделяли веру в то, что главным является индивидуальный успех и что каждый индивидуум сам ответствен за свое положение в обществе, в первую очередь за материальное благополучие. Конечно, эта вера не предотвращала возникновения самих классов. Вопреки мнению, встречающемуся среди американских обществоведов, что особенность США – наличие в них бесклассового общества, классовые разделения в стране присутствовали всегда. Но во все эпохи классовое самосознание нижних американских слоёв было одним из самых слабых в мире, а часто более сильным противовесом ему в ментальности масс служила вера в возможность восхождения благодаря индивидуальной ответственности, способности и инициативе в те слои, которые называются буржуазными. Эта вера, являвшаяся в известной мере национальным мифом, одновременно была и реальным фактором, равнозначным неукротимому стремлению американских масс на буржуазный «верх». Благодаря этому фактору социальная мобильность в США во все исторические эпохи была выше, чем в других цивилизациях.

Социокультурный триумф либерально-капиталистического индивидуализма нёс в себе и плюсы, и минусы. Есть основание согласиться с теми, кто

рассматривает этот феномен в качестве важнейшей и, возможно, главной причины материальных успехов американской цивилизации. Но есть также довод согласиться с теми, кто полагает, что торжество индивидуализма в национальной ментальности стало важнейшей причиной как неизменно глубокой социальной дифференциации общества, так и нечуткости его благополучного большинства к материальному прозябанию нижнего класса. США на протяжении большей части своей истории были более богаты и благополучны, нежели другие западные страны, они имели самый преуспевающий верхний класс и самый материально обеспеченный средний класс, но они же среди всех западных обществ демонстрировали самые серьёзные социальные контрасты и имели самый обездоленный нижний класс.

Главенствующее положение либерально-капиталистического индивидуализма среди факторов цивилизации США серьёзно повлияло на такие факторы, как *равенство*, которое также изначально присутствует в числе важных американских ценностей. Во многих национальных культурах, в том числе в российской, эта категория трактуется как равенство в материальном положении, т.е. в достигнутых жизненных результатах. Но в американской национальной ментальности эта категория изначально трактовалась как *равенство возможностей*, которое при наличии индивидуальной свободы в качестве главной ценности и притом, что индивидуумы от природы наделены разными способностями, вполне совместимо с достижением ими разных жизненных результатов и утверждением в итоге материального неравенства. На неизбежность развития и увековечения в американской цивилизации серьёзного имущественного неравенства прямо указывал ещё один из «отцов-основателей» США – А. Гамильтон. Он писал: «Совершенно очевидна та истина, что не может существовать ничего похожего на равенство во владении собственностью, неравенство же во владении ею есть следствие существования самой свободы.. Различие во владении собственностью уже существует между нами. Дальнейшее развитие промышленности и торговли будет всё более увеличивать эту пропасть»⁸.

Демократические оппоненты А. Гамильтона от Т. Джефферсона до Э. Джексона, осуждая крайности неравенства, полагали вместе с тем, что противоядием от него ни в коем случае не может быть ограничение индивидуальной свободы и доказывали, что его главным ограничителем может быть только режим равенства возможностей, который поспособствует и выравниванию материальных условий разных социальных групп, и оптимальным возможностям для развития либерально капиталистического индивидуализма. Это демократическое и одновременно общенациональное кредо в понимании равенства было наиболее отчетливо выражено Э. Джексоном: «Различия в обществе сохраняются при любом справедливом государственном управлении. Равенство талантов, образованности и состояний не может быть утверждено общественными институтами. Но законы обязаны защищать равное

---

⁸ The Papers of Alexander Hamilton, vols. 1–26. Ed. by H. Syrett. New York, London, 1961–1979, vol. 4, pp. 218–219.

право каждого на пользование господними дарами, изделиями промышленности, всей экономики, как и собственными добродетелями. Когда же эти законы используются для того, чтобы к естественным и справедливым благам добавлять искусственные различия, даровать титулы, денежные подношения и искусственные привилегии, в результате чего богатые становятся богаче, а сильные сильнее, то простые члены общества – фермеры, ремесленники и рабочие, у которых нет ни времени, ни средств, чтобы приобрести подобные преимущества, имеют право жаловаться на несправедливость своему правительству»⁹.

Такое понимание равенства, как и его соотношения с индивидуальной свободой, и поныне господствует в США. Практические результаты, включающие серьёзные парадоксы, могут быть проиллюстрированы яркими примерами. Известно, что на современном этапе благодаря успеху движений женщин и чернокожих американцев, их участникам удалось добиться серьёзного расширения равенства возможностей для своих социальных групп. Реально улучшилось их экономическое и статусное положение, многие представители этих групп поднялись в средний и верхний классы. Парадоксом же по отношению к этому достижению является то, что имущественные различия между тремя экономическими классами – нижним, средним и верхним – в США не только не уменьшились, но, начиная с 1970-х годов, даже увеличились¹⁰. По той причине, что равенство возможностей для женщин и чернокожих дало шанс возвыситься, перейти в более высокие и благополучные страты и слои наиболее способным и энергичным среди них, а наименее способные остались в прежнем положении, а то и спустились вниз по социальной лестнице.

Выделенный мною в качестве главного фактора американской цивилизации либерально-капиталистический индивидуализм, сохраняя на разных этапах свою суть и влияние, вместе с тем менял исторические формы. Его архетип в XVII веке выступал в пуританско-кальвинистских одеждах, которые его серьёзно регламентировали, даже сковывали, но вместе с тем дисциплинировали. В последующем протестантский индивидуализм во всё большей мере приобретал светские одежды и трансформировался в локковский либерализм. В десятилетия же после Гражданской войны 1860-х годов либерально-капиталистический индивидуализм выступал в социал-дарвинистских формах, придавших ему наиболее жёсткий, антигуманный характер. В XX веке свершилась новая его модернизация.

Следующим важным фактором американской цивилизации можно признать её англосаксонские корни и происхождение. *Англосаксонский цивилизационный архетип* господствовал в период становления североамериканского общества в XVII–XVIII веках и сохранял огромное влияние на протяжении

---

⁹ A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents 1789–1897. Vols. 1–11. Ed. by J. Richardson. Wash., 1900, vol. 2, p. 590.

¹⁰ Подробно см.: Согрин В.В. Социальная структура США в эпоху постиндустриального общества. – «Новая и новейшая история», 2008, № 5.

нии всей последующей американской истории. Наличие и роль этого архетипа позволяют отнести критически к распространённому среди многих представлению о краткости американской историко-культурной традиции и даже культурно-исторической ущербности по этой причине американской цивилизации. В действительности это в высшей степени поверхностное суждение о США и их истории. Североамериканское общество начиналось не с чистого листа, оно возникло в XVII веке как продолжение английской истории и цивилизации, тогда уже одной из самых передовых и материально развитых. Англичане, составлявшие на протяжении первых двух столетий американской истории более 90% всех переселенцев, переносили в Новый Свет социально-экономические и политико-правовые институты и традиции старой родины, развивавшиеся на протяжении нескольких столетий. Среди них важнейшее место принадлежало частной собственности, представительному правлению, разделению властей, обычному праву, уважению к гражданским правам и свободам. Необходимо учесть, что в развитии этих институтов Англия начиная с 1215 г., т.е. с момента принятия Великой хартии вольностей, являлась лидером среди всех стран Европы, как и всего мира.

Американские колонисты рассматривали себя в качестве англичан, переселившихся в Новый Свет, наделённых такими же правами и свободами. Великую хартию вольностей, как и другие принципы английского конституционализма, которые отсутствовали в континентальной Европе, они воспринимали как свои собственные. При этом английский цивилизационный архетип в их сознании обладал и важными особенностями, которые делали это сознание более «продвинутым», нежели у многих англичан. Дело в том, что освоение колонистами Северной Америки началось после завершения в Европе эпохи Реформации и Ренессанса, расколовших население западноевропейских обществ на приверженцев уходивших в прошлое принципов средневековья и сторонников нарождающейся буржуазно-индивидуалистической цивилизации. Среди английских переселенцев в Северной Америке доминировали те, кто своим переездом выражал протест против феодального наследия и пережитков европейской родины и хотел развивать в чистом виде её новые начала. Английский цивилизационный архетип американцев вобрал в себя в первую очередь эти начала. Возможности для их укоренения и развития в Северной Америке оказались гораздо более благоприятными, чем в Европе. В последующем это обстоятельство стало важной причиной опережающего развития США, оттеснения ими Англии с лидирующей экономической позиции в мире и выхода их самих на главенствующее место.

Английский цивилизационный архетип, неотъемлемой частью которого в ментальности американцев был и либерально-капиталистический индивидуализм, способствовал развитию их буржуазно-индивидуалистических устремлений и утверждению индивидуума в качестве главного субъекта американской цивилизации. И он же способствовал утверждению на одной из ведущих позиций в американской цивилизации такого важного субъекта, как гражданское общество, на первый взгляд, оппозиционного индивидууму.

В действительности же индивидуум и гражданское общество в Северной Америке находились в противоречивых отношениях, в позитивную часть которых включалось сосуществование, взаимодействие и гармония. При этом оба фактора в качестве культурно-цивилизационных ценностей были *впереди государства*. Роль гражданского общества, представлявшего совокупность добровольных объединений индивидуумов, создаваемых для солидарного достижения общих целей и интересов и регулирования норм общежития, традиционно присутствовала в Англии, а в Северной Америке она ещё более упрочилась уже по той причине, что объёма правительственной власти в ней явно недоставало для организации и регулирования правового пространства.

В колониальный период основными ячейками гражданского общества стали протестантские общины, объединявшие подавляющее большинство американцев. Они служили главным институтом гражданской самоорганизации не только в пуританских северо-восточных колониях, но и в англиканских колониях Юга. Мастерски – лаконично и в то же время исчерпывающе – раскрыл роль приходов известный современный исследователь американской цивилизации Д. Бурстин: «Через свой совет и с помощью уполномоченных им церковных старост приход осуществлял некоторые из функций современного шерифа, окружного прокурора и большого жюри. В число обязанностей членов совета входило привлечение к судебной ответственности лиц, обвинявшихся в нарушении морали: пьянстве, богохульстве, клятвоступлении, клевете, несоблюдении правила воскресенья, непосещении церковной службы, разврате и супружеской неверности. Совет собирал церковные налоги, оценивал собственность, определяя её размер, и уточнял границы земельных владений. Раз в четыре года под общим руководством суда округа члены приходского совета назначали двух лиц, которые “обмеряли” землю, т.е. обследовали и обновляли межевые знаки и заносили результаты такого обследования в приходские книги. Действуя через свой совет, приход являлся в то время основным органом социального обеспечения. Приходской совет привлекал внимание общества к случаям крайней бедности и, при отсутствии богадельни, обеспечивал “бедствующих и немощных” за счёт общественных средств пропитанием и кровом в домах граждан, соглашавшихся их принять. Приходской совет стремился также избавить приход от содержания незаконнорожденных детей, заставляя мать заботиться о них, и заставлял отца подписывать соответствующие денежные обязательства»¹¹. Влияние прихода оказывалось, таким образом, всеохватывающим, он выступал центральным органом гражданского воспитания колонистов, как и поддержания общественного порядка.

В последующем ячейки, институты и сети гражданского общества все более расширялись и разнообразились. В 1830-е годы Токвиль уже писал о них как о главнейшем институте американской демократии: «Американцы всех возрастов, любого состояния и положения в обществе без устали объединяются в ассоциации. Не только в торговые и промышленные, в которых участ-

---

¹¹ Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993, с. 163.

вуют все, но и в тысячи других – религиозных и моральных, серьезных либо пустяковых, всеобщих и очень узких, гигантских по размеру и крошечных... Если во Франции во главе всякого нового дела вы найдете правительственный орган, а в Англии какого-нибудь земельного магната, в Соединённых Штатах вы всякий раз на этом месте обнаружите ассоциацию»¹².

Суждение Токвиля, доказывающее, что институты гражданского общества в США получили гораздо большее развитие, чем в Западной Европе, не отрицает, однако, того, что у них были европейские корни. В последние десятилетия американские историки показали даже, что таких корней было больше, чем представлялось ранее. Например, в колониальный период американцы активно осваивали ренессансную культуру «республиканских добродетелей», главным источником которой для них была передовая английская мысль¹³. Эта культура, пестовавшая идеалы республиканизма, гражданского долга, соучастия людей в достижении гражданских целей, идеологически выкристаллизовалась в русле передовой европейской мысли, но своё наибольшее практическое воплощение получила в первую очередь в Северной Америке, в которой общественно-историческая среда, вместившая множество свободных, распоряжающихся самими собой и своим выбором индивидуумов, оказалась для неё более благоприятной.

В XIX веке США в развитии гражданского общества настолько превзошли Старый Свет, в том числе и Англию, что некоторым выдающимся европейским умам оно стало казаться достоянием одной Америки. Так рассуждал не только Токвиль, но и Гегель, который, кстати, ввел в оборот само понятие «гражданское общество». Размышляя о Соединённых Штатах, Гегель обнаруживал, что по европейским меркам в них, по сути, отсутствует государство, а его функции выполняет гражданское общество, означающее систему управления посредством добровольно объединяющихся ассоциаций свободных граждан¹⁴.

По мнению ряда исследователей, XIX столетие оказалось золотым веком американского гражданского общества. В последующем его роль стала ослабевать, а функции во всё большей мере переходили к государству и бюрократии. В российской американистике тема гражданского общества как важного фактора цивилизации США остается слабо исследованной и, безусловно, заслуживает дальнейшего изучения. В частности достойно особого внимания воздействие гражданского общества на американскую политическую власть и демократию. В данном случае ограничусь одним аспектом его воздействия на американскую демократию, на мой взгляд, принципиально важным, но остающимся не раскрытым в отечественной американистике.

---

¹² Цит. по: Белла Р., Мэдсен Р., Салливан У., Суидлер Э., Типтон С. Привычки и нравы. Индивидуализм и служение обществу в жизни американцев. – «США – ЭПИ», 1987, № 11, с. 75.

¹³ Bailyn B. *The Ideological Origins of the American Revolution*. Cambridge (Mass.), 1967; Wood G. *The Creation of the American Republic. 1776–1787*. Chapel Hill (N.C.), 1969; Посок J. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, 1975.

¹⁴ См. об этом: Bell D. «American Exceptionalism» Revisited: The Role of the Civil Society. – «The Public Interest», 1989, No. 95.

Этот аспект впервые проявился ярко в период обсуждения Конституции США 1787 г. Относительно её характера высказывались разные мысли, одна из которых, воспринятая отечественной американистикой советского периода, делала упор на классово-элитарный характер, отражение в ней воли господствующих верхов. Среди альтернативных суждений одно из первых было высказано сразу после принятия конституции одним из «отцов-основателей» США и звучало оно лапидарно: «Компромиссы, компромиссы и компромиссы». Это суждение точно отражает ту черту конституции, которая выпала из поля зрения советских американистов, а именно: зависимость американской государственной власти и её творцов от гражданского общества, вмещающего самые разные его классы.

«Отцы-основатели» не знали такого понятия как «гражданское общество», но реальное наличие его полнокровно ощущали и на протяжении всего конституционного конвента 1787 г. думали и действовали с постоянной оглядкой на это общество. При этом часто они судили о нём резко критически, осуждали «разгул демократии», отдавали приоритет интересам верхнего класса и возвышали собственные амбиции, но неизменно принимали в свой политический расчёт позиции иных социальных групп белого населения. Их компромиссы и уступки воплотились в проекте конституции, который позже был отдан на обсуждение и ратификацию в штаты. Критика «снизу» также была учтена «отцами-основателями», и в Конституцию США был включён несколько позднее демократический Билль о правах.

Таким образом, несмотря на критическое отношение «отцов-основателей» к демократии федеральная конституция оказалась с ней совместимой и в препарированном виде стала в последующем называться *представительной демократией* (классическая же демократическая модель, которую отвергали авторы конституции, стала именоваться *прямой демократией*). Она носила элитарный характер, поскольку верхи закрепили за собой роль организатора и руководителя политической власти, но обладала также и плюралистическим характером, поскольку включала разнообразные компромиссы с участниками гражданского общества¹⁵. Традиция «общественного договора» с гражданским обществом со времен «отцов-основателей» прочно закрепилась в политической культуре американской элиты и одну из главных причин этого нужно, на мой взгляд, видеть в том, что гражданское общество с момента возникновения американской цивилизации, на всех её этапах, было одной из её основополагающих основ, игнорирование которой не давало власть держащим никаких шансов на успех.

До сих пор речь шла о факторе американской цивилизации, имевшем в своей основе англосаксонский архетип. Он сохранял своё значение на протяжении всей истории США, но по мере развития американского общества стал всё больше испытывать соперничество со стороны иного цивилизационного фактора, также приобретшего важнейшее значение. Речь идёт о нарас-

---

¹⁵ Подробный анализ характера политической власти в США см.: Согрин В.В. Политическая власть в США (типологический характер). – «США ♦ Канада», 2008, № 7.

тавшей эмиграции из других европейских стран, а также из Азии, Латинской Америки и Африки. Эта эмиграция приносила с собой новые цивилизационно-культурные веяния, которые влияли на самые разные общественные сферы. Огромная роль многонациональной массовой и перманентной иммигрантской среды в американском обществе и цивилизации признаётся всеми исследователями. Многие из них убеждены, что иммигранты оказывали позитивное влияние на экономическое развитие США. Они отличались друг от друга и по этническим, и по социальным характеристикам, но, вместе с тем, среди них преобладали характеры неординарные, смелые, предприимчивые, даже отчаянные (уже сама переправка через океан – путешествие на всю жизнь в неизвестное будущее – требовала незаурядного мужества). По прибытию в Америку переселенцы трудились в поте лица своего, выбивались в люди, а совокупность их огромных и методичных индивидуальных усилий увеличивала и благосостояние нации в целом.

Разногласия между исследователями возникают в вопросе о взаимодействии иммиграции и англосаксонского архетипа американской цивилизации. Господствующим является то мнение, что вплоть до середины XX века англосаксонский архетип перемалывал ментальности неанглийских иммигрантских этносов, и их представители превращались в американцев англосаксонского культурного типа. Иммигранты впитывали англосаксонский архетип, с одной стороны, неосознанно, поскольку он не просто преобладал, а господствовал в американской цивилизации и сопротивление ему означало превращение в её изгой или парию. С другой стороны, большинство иммигрантов осознанно стремились как можно быстрее превратиться из итальянцев, немцев, русских, испанцев в американцев с англосаксонской культурой, поскольку это способствовало ускоренному достижению их «американской мечты». Как обобщал в середине прошлого века историк Ф. Бродель, «для европейского иммигранта принять эти общественные правила значит отказаться от старых, европейских норм, обрести надежду... Если самому иммигранту трудно к этому привыкнуть, если он испытывает чувство понятной ностальгии, то его дети озабочены в первую очередь тем, чтобы раствориться в массе американцев. Все социологи отмечают, что дети иммигрантов испытывают желание вытравить следы их национального происхождения»¹⁶.

Историко-социальный механизм ассимиляции иммигрантов в американскую национальную общность на основе восприятия норм господствующей англосаксонской культуры был обозначен в исследовательской культуре как *плавильный котел*. Он определял взаимоотношения этносов в Северной Америке на протяжении трёх с половиной столетий. Но на современных исторических этапах, начиная с середины XX столетия, плавильный котел испытывает соперничество со стороны фактора иного толка – *мультикультурности*. Она означает, что этносы и расы (пренебрегая всем англосаксонским) обретают право на сохранение и увековечение своей национально-

---

¹⁶ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008, с. 459. (на французском языке книга была издана в 1963 г.).

Таблица

Легальная иммиграция в США в 1950–2000 гг., тыс. человек

Период	Общее число из всех стран	Из Европы	Из Азии	Из Латинской Америки	Из Африки
1951–1960	2515	1328	240	618	Данных нет
1961–1970	3322	1129	421	1303	Данных нет
1971–1980	4493	801	1634	1815	91
1981–1990	7338	706	2817	3462	192
1991–2000	9095	1313	2892	4320	383

Historical Statistics of the United States. Wash., 1975, pp.105, 107; Statistical Abstract of the United States 2003. Wash., 2003, pp. 9, 11.

культурной идентичности, которая многими поборниками мультикультурности приравнивается не только к автономии, но даже к суверенитету, и, конечно, к равенству с англо-американским национально-культурным ядром. Мультикультурность, все более теснящая с господствующих позиций плавильный котел, создает качественно новую историко-цивилизационную ситуацию, несущую с собой проблемы с трудно предсказуемыми последствиями¹⁷.

Возникновение в США фактора мультикультурности объясняется разными причинами, среди которых важными являются глобализация мировой экономики и демократизация американского иммиграционного законодательства в последние десятилетия. В результате с 1970-х годов стала абсолютно преобладать «небелая» иммиграция из Латинской Америки и Азии (см. таблицу).

Некоторые иммигрантские этносы, в первую очередь латиноамериканские (особенно мексиканцы), стали создавать собственные культурные анклав, выдвигать требования цивилизационного равенства с англосаксонским ядром. Кроме латиноамериканских этносов на национально-культурное равенство с коренными белыми американцами самым активным образом претендовали чернокожие американцы, добившиеся в последние пять десятилетий серьезных успехов в расширении своих гражданских и политических прав. В их среде вызрела концепция особой афроамериканской нации, во всех отношениях равноправной с англосаксонским ядром.

Укрепление фактора мультикультурности в американской цивилизации вызвало алармистские настроения в американском обществе, причём в разных его спектрах. По мнению самых авторитетных авторов, таких как А. Шлезингер-младший, П. Бьюкенен, С. Хантингтон, мультикультурность

¹⁷ Среди современных отечественных исследований этой темы см.: Чертина З.С. Этничность в США: теория «плавильный котел». – «Американский ежегодник» – 1993 (М.), 1994; её же. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США. М., 2000; Карабашкин А., Шкундин М. «Плавильный тигель» и вызов глобализации. – «Россия в глобальной политике», 2004, № 6; Лапицкий М.И. Национальная идея: специфика американского опыта. – «США ❖ Канада», 2007, № 9.

грозит цивилизационным основам США и может привести к их расколу на враждебные цивилизации¹⁸. Но есть суждения и прогнозы противоположного толка, так что взаимодействие двух важнейших современных цивилизационных факторов – плавильного котла и мультикультурности – остаётся проблемой дискуссионной, заслуживающей, безусловно, самого пристального исследовательского внимания со стороны российской американистики.

Среди наиболее важных факторов американской цивилизации исследователи неизменно выделяют феномен *подвижного фронта* – реальной возможности для массы белых американцев на протяжении XVII–XIX веков передвигать границу освоенных восточных земель и заселять огромные незанятые западные территории, обращаясь в независимых собственников – фермеров, торговцев, предпринимателей. Фронтир оказывал разнообразное воздействие на американское общество уже в колониальный период. Благодаря возможностям вхождения в ряды сельских собственников до 70% белых колонистов оказывались в среднем классе, а уровень их жизни уже тогда был в полтора – два раза выше, чем у англичан, которые, в свою очередь, были более благополучны, чем жители континентальной Европы. Благодаря земельному изобилию площадь среднего участка в колониальной Америке была не меньше 100 акров (1 акр ≈ 0,4 га), в то время как в Европе она не превышала 30 акров. При этом в Северной Америке мелкие землевладельцы владели 70% обрабатываемых земель, а в Англии только 30%¹⁹. Но у фактора фронта была и обратная – негативная – сторона. Он препятствовал складыванию полнокровного рынка наёмного труда, поскольку даже бедные европейские переселенцы располагали возможностью обосноваться, пусть и не сразу, в качестве независимых мелких хозяев на незанятых землях. Владельцы плантаторских хозяйств атлантического побережья при отсутствии наёмных работников вынуждены были прибегнуть к труду чернокожих рабов из Африки. В результате капиталистическая сторона их хозяйств, как и экономики американского Юга в целом, была серьёзно деформирована.

После войны США за независимость из земель, расположенных за фронтиром, был образован государственный фонд, включивший первоначально незанятые северо-западные территории. В 1795 г. в результате земельных уступок Испании в федеральный фонд вошла огромная юго-западная территория. В 1803 г. она пополнилась территорией Луизианы. При этом в северо-западной части фонда рабство было запрещено, а в юго-западной части разрешалось. Условия продажи земельного фонда постоянно облегчались, а в 1862 г., в период Гражданской войны, был принят закон, по которому амери-

---

¹⁸ Schlesinger A., Jr. *The Disuniting America. Reflections on a Multicultural Society*. N.Y., 1991; Buchanan P. *The Death of the West*. N.Y., 2002; Huntington S. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. N.Y., 2004.

¹⁹ McCusker J., Menard R. *The Economy of British America, 1607–1789*. Chapel Hill, 1985, pp. 51–65; Jones A. *Wealth of a Nation to Be: the American Colonies on the Eve of the Revolution*. N.Y., 1980; Coclan P. *The Wealth of British America on the Eve of the Revolution*. – «*Journal of Interdisciplinary History*». 1990, vol. 21, pp. 245–260.

канцы получили право на бесплатное приобретение в собственность 160 акров земли.

Здесь нет возможности рассматривать противоречивые аспекты аграрного законодательства, его практическому воплощению была присуща коррупционная сторона. Так, железнодорожным корпорациям в результате государственных дарений земель на Западе досталось больше, чем рядовым гражданам. Но важна и та его сторона, которая заключалась в приобщении к земельной собственности масс безземельных и малоземельных американцев и, как следствие, ослаблении имущественного неравенства. С 1800 по 1860 г. на Западе образовалось около 15 новых штатов, их население за эти годы увеличилось с 1 до 15 млн. человек (рост по отношению ко всему населению США с 15 до 47%). На протяжении указанного периода количество самостоятельных фермеров-собственников почти в три раза превышало численность сельскохозяйственных рабочих. В течение 50-ти лет после окончания Гражданской войны фермы создавались по преимуществу на новых западных землях, общее же количество их за этот период выросло с 2,6 млн. до 6,4 млн. (наибольший прирост пришелся на последние три десятилетия XIX века: в 1900 г. общее количество ферм составило 5,7 млн.). Площадь фермерских земель за 50 лет увеличилась с 408 до 956 млн. акров²⁰.

Роль подвижного фронта в развитии американской цивилизации привлекала пристальное внимание европейских наблюдателей (например, уже упоминавшегося Г. Гегеля) и американских исследователей. Самый известный среди них, Ф.Дж. Тернер, давший в конце XIX – начале XX веков не просто обстоятельное исследование истории фронта, а предложивший всестороннее обоснование его цивилизационной роли, вошёл в классики национальной и мировой американистики. Именно фронт, согласно Тернеру, был осевым сущностнообразующим фактором цивилизации США, местом формирования передовой политической демократии, которая потом распространялась и на восточные штаты. Фронт оттягивал из восточных штатов массы недовольных промышленных рабочих и таким образом становился предохранительным клапаном для классовых конфликтов труда и капитала, препятствовал укоренению в США социализма. Наконец, именно он играл роль плавильного котла, смешивавшего в единую американскую нацию разнородные этносы²¹.

Концепция Тернера пользовалась огромным влиянием до 1930-х годов, затем её популярность стала ослабевать. Историки последующих поколений доказали, что на западные земли устремлялись и создавали там свои хозяйства отнюдь не пролетарии восточных штатов, а по преимуществу малоимущие или не получившие наследства от родителей фермеры обжитых районов. Было также признано, что ядром формирования американской полити-

---

²⁰ Billington R., Ridge M. *Westwood Expansion. A History of the American Frontier*. New York, London, 1982, pp. 663, 693.

²¹ Turner F. *Rise of the New West*. New York, London, 1906; Idem. *The Frontier in American History*. N.Y., 1920; Idem. *The United States. 1830–1850. The Nation and Its Sections*. N.Y., 1935; *The Turner Thesis*. Ed. by G. Taylor. Boston, 1956.

ческой демократии были все же восточные штаты, а её архетипом, как и основным архетипом всей американской цивилизации являлось англосаксонское наследие. Можно указать и на другие недостатки выводов Тернера, например, тенденцию абсолютизировать роль Запада США в качестве географического фактора. На этот недостаток хотелось бы обратить внимание по той причине, что он присущ и ряду российских учёных, пытающихся в сравнительно-исторических исследованиях проводить параллель между свободными землями американского Запада и свободными землями Сибири и Дальнего Востока эпохи российской империи. В действительности Россия не смогла даже в малой мере извлечь из своих свободных восточных пространств такую пользу, какую извлекли из своих западных территорий американцы. Главная причина заключена в фундаментальном различии социально-политических основ двух обществ: феодально-монархическая Россия не могла дать своему населению тех возможностей в освоении свободных территорий, какие давали пусть и не всему, но значительной части своего народа радикально отличные по социальной природе Соединённые Штаты.

И всё же при всех недостатках концепции Тернера она и сегодня не может быть признана несостоятельной и списана в историографический архив. Ряд её принципиальных положений сохраняет научное значение. Самое главное среди них заключается в том, что Запад действительно серьёзно влиял на цивилизационное своеобразие США. Массовое переселение американцев на западные территории и обращение многих из них в самостоятельных собственников укрепляло демократические стороны американского капитализма, расширяло его социальную базу, обеспечивало ему преимущества, которых не было у других обществ западной цивилизации. Капитализм в сельском хозяйстве США развивался более динамично и успешно, нежели, например, в Англии или в большинстве других европейских стран, где нижние слои не располагали схожими возможностями продвижения в верхние социальные группы. Благодаря в первую очередь наличию «подвижной границы» на Западе, как она известна в исторической литературе, создавалась «подвижная граница» между классами, давшая основание К. Марксу, этому беспощадному критику капитализма, прийти к заключению в 1852 г., что в США «классы хотя уже существуют, но ещё не отстоялись и в беспрерывном движении постоянно обновляют свои составные части и передают их друг другу...»²². Важно отметить также, что в XIX веке многие американские рабочие, даже не имея возможности накопить деньги, чтобы переселиться на Запад в качестве фермеров, тем не менее, в своём большинстве мечтали об этом. Они разделяли то, что многие историки называют эгалитарным мифом: веру в возможность превращения в американских условиях в самостоятельного хозяина. Именно такой миф, а не массовое переселение рабочих на Запад (как полагали Тернер и его последователи), служил, на мой взгляд, в ту эпоху главным предохранительным клапаном от острых социальных конфликтов.

---

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 127.

На рубеже XIX–XX веков фронтир достиг своего естественного географического предела, но его цивилизационное значение не было исчерпано, ибо он сохранился в качестве социокультурного архетипа в американской национальной ментальности. В ней прочно укоренилось то представление, что каждый индивидуум должен иметь и имеет шанс преодолевать жизненные фронтирсы, не бояться сниматься с места, если возможности имущественного или статусного роста иссякли или неудовлетворительны, устремляться на новые места, которые обещают новые, лучшие перспективы. Все поколения американцев, даже после того как географический фронтир был исчерпан, демонстрировали гораздо большую, нежели другие народы, горизонтальную мобильность, т.е. способность по несколько раз в жизни менять места проживания и трудовую деятельность.

* * *

Обратимся к цивилизационным факторам внешнеполитического развития США. Тема эта, несмотря на огромное внимание, уделявшееся всегда отечественной американистикой данному вопросу, не получила полнокровного исследования. По крайней мере, трудно назвать хотя бы одну работу, в которой бы анализировалась *совокупность* цивилизационных факторов американской внешней политики. И в данной статье такая цель не ставится, ибо её реализация требует отдельного исследования. Поскольку к этой проблеме хотелось бы привлечь внимание, я подробно остановлюсь на главном цивилизационном факторе внешней политики США, который возможно обозначить как *имперский мессианизм*. Отмечу, что к этому фактору, пусть и не выделяя его в качестве цивилизационного (и давая ему разные определения), отечественные американисты обращались неоднократно и активно, и он охарактеризован весьма подробно²³. В качестве архетипа идеи имперского мессианизма выступает убежденность переселенческих протестантских общин XVII века в своей избранности и миссии для обустройства идеального христианского *Града на холме*, как и представления о наследовании этой избранности от древних израильтян. В следующем столетии восприятие Америки в качестве земли обетованной дополняется представлением о ней как о «новой империи», отличающейся от прежних своим уникальным демократизмом. Эта концепция была воспринята «отцами-основателями», включая Дж. Вашингтона. Но всё же в тот период мессианская идея существовала подспудно, поскольку США оставались слабым государством, не могли соперничать с европейскими державами в реализации экспансионистских и имперских амбиций и были в практическом плане озабочены самосохранением.

---

²³ Одним из первых обстоятельных исследований, в котором прослежена эволюция этого фактора, следует назвать монографию: Деметьев И.П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв. М., 1973. Среди современных исследований, в которых обстоятельно анализируется данный фактор, назову монографии: Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004 и Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005.

Ситуация меняется в следующем XIX столетии. В 1823 г. в послании президента США Дж. Монро Конгрессу Американский континент определялся как избранный для воплощения принципов свободы и демократии, а Соединённые Штаты наделялись миссией гаранта этих принципов. Заключение в доктрине Монро принцип «Америка для американцев» на практике развязывал руки самому могущественному государству американского континента той эпохи для его обустройства по собственному сценарию и для удовлетворения в разных его частях собственных интересов. В 1845 г. в ходе войны с Мексикой, завершившейся присоединением к США Техаса, Калифорнии и Новой Мексики, была сформулирована одна из самых известных доктрин имперского мессианизма – доктрина *предопределения судьбы (Manifest Destiny)*. Высказанная одним из духовных лидеров Демократической партии Дж. О'Салливаном и подхваченная политической и идеологической элитой нации, она объявляла излишними традиционные правовые дискуссии об экспансионистских устремлениях США на американской земле: «Эти претензии основываются на праве, вытекающем из того, что нам предопределено судьбой распространить своё владычество на весь континент, который дарован нам Провидением для выполнения возложенной на нас Великой миссии: установить свободу и федеративное самоуправление»²⁴.

В XIX веке идеи национальной избранности и предназначённости Америки стать маяком и форпостом светлого будущего человечества становятся неотъемлемой частью не только мировоззрения элиты, но и национальной ментальности, входят в результате в плоть и кровь цивилизации США. Г. Мелвилл, один из выдающихся писателей того века, человек демократических убеждений, отмечал: «Мы, американцы, особый, избранный народ – Израиль нашего времени; мы несём ковчег общемировых свобод. Бог предназначил наш народ для великих дел, и человечество ждёт их от нас; великие дела живут в наших душах. Остальные народы вскоре окажутся позади нас. Мы – первопроходцы человечества, авангард, отправленный, чтобы пройти через пустыню, куда не ступала нога человека, и проложить путь в новый мир, в наш мир»²⁵.

В следующем столетии и вплоть до наших дней убеждённости в национальной исключительности и имперский мессианизм неизменно фигурировали в США в качестве важнейшего фактора мировидения элиты и массовой ментальности. Сравнительные опросы общественного мнения в различных странах обнаруживали, что патриотизм американцев, их вера в непреходящие достоинства национальных институтов были существенно выше, чем в других западных, да и многих не западных государствах. Также многие американцы, а в

---

²⁴ Цит. по: Weinberg A.K. Manifest Destiny. Baltimore, 1935, p. 145.

²⁵ Цит. по: Ливен А. Анатомия американского национализма. – «Pro et Contra». 2004, № 3, с. 149.

ряде случаев большинство опрошенных, относили «распространение демократии по всему миру» к важнейшим целям внешней политики США²⁶.

Имперско-демократический мессианизм как бы органически и по наследству переходил от одного поколения к другому и в то же время сознательно насаждался и пестовался элитой, хранившей, как зеницу ока, мессианскую идею американских «отцов-основателей». В. Вильсон декларировал врождённое предназначение Америки: «Мы пришли спасти мир, дав ему свободу и справедливость». Л. Джонсон утверждал: «История и наши собственные достижения возложили прежде всего на нас ответственность за защиту свободы на земле». Р. Рейган в 1982 г. заявил: «Я всегда считал, что эта благословенная земля была необыкновенным образом отделена от других, что божий промысел поместил этот великий континент между океанами для того, чтобы его обнаружили люди со всех концов земли, наделённые особой любовью к вере и свободе». Демократическую Америку он наделял миссией сокрушить противодействовавшую ей «империю зла». Дж. Буш-младший, обосновывая цель «глобальной демократической революции», провозгласил основополагающей задачей внешней политики США «продвижение демократии во всем мире и смену режимов»²⁷. На современном этапе идея «предопределения» США для создания мировой демократической империи выступала в идеологии американской элиты наиболее зримо и откровенно.

Сказанное выше нуждается в некоторых комментариях, прежде всего в ответе на два вопроса: совместимы ли демократия и империя и не является ли определение американского мессианизма как имперского идеологическим преувеличением? Первый вопрос напрашивается по той причине, что демократия и империя, казалось бы, несовместимы по определению, и имперское строительство возможно только со стороны авторитарных государств. По этому поводу можно пускаться в теоретические рассуждения, но достаточно ограничиться яркими практическими примерами, доказывающими, что экспансионистско-имперские устремления в прошлом были не раз присущи государствам, присягавшим принципам политической демократии. В 1792–1793 гг. демократические вожди Великой Французской революции провозгласили противоправными недемократические режимы и нацелились на распространение демократии силой, как минимум, на европейский континент. В XIX веке Англия, являвшаяся тогда, подобно США, лидером в развитии внутривластной демократии, добилась одновременно успеха в создании одной из крупнейших в мировой истории империй. Соединённые Штаты в последующем выступали как бы продолжателями этой линии, но с той раз-

---

²⁶ Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М., 2008, с. 26, 134–135.

²⁷ Цит. по: Шлезингер А. (мл.). Циклы американской истории. М., 1992, с. 82; Гаджиев К. Демократическое и имперское начала во внешнеполитической стратегии США. – «МЭиМО», 2007, № 8, с. 35; Кейган Р. Конец иллюзиям: история возвращается. – «Pro et Contra», 2007, № 6, с. 21.

ницей, что, в отличие от Англии, ставили целью создать в своем имперском ареале демократические модели американского образца.

Но справедливо ли называть либерально-демократическую Америку империей, а её мессианизм имперским? В самих США по этому поводу высказывались разные, в том числе взаимоисключающие точки зрения²⁸. В значительной мере разногласия обусловлены тем, что с течением времени менялось отношение к самому понятию «империя». В средние века и в новое время уважающие себя государства почитали за честь называться империями (вспомним, что Петр I, едва одержав в 1721 г. победу над Швецией, без промедления поименовал российское государство империей). О статусе империи, правда, особого рода, демократической и просвещённой, мечтали американские «отцы-основатели». Понятие «империя» приобрело негативный смысл только после Первой мировой войны, а в полной мере после краха германского третьего рейха. По этой причине многие современные американские политики отказываются считать Соединённые Штаты империей. Они приводят аргументы в пользу того, что их страна радикально отличается от классических империй. Но их оппоненты, среди которых преобладают либералы и радикалы (есть, правда, и консерваторы), резонно указывают, что современная империя и не может управлять согласно образцам, потерпевшим историческое фиаско. Соединённые Штаты – модернизированная империя, утверждающая выгодный им миропорядок при помощи стратегий, обладающих серьёзными отличиями от классических имперских образцов. Используя эти стратегии, Америка стремится, как минимум, к широкому распространению своих экономических, политических и культурных образцов и, как максимум, к утверждению мирового господства. В достижении своих целей она превзошла все империи прошлого.

Раскрывая значение имперского мессианизма в качестве цивилизационного фактора внешней политики США, хотелось бы вместе с тем предупредить против преувеличения и, тем более, абсолютизации его значения. В разные эпохи этот фактор действовал неравномерно и неоднозначно, в одни из них он находился в латентном состоянии, в другие – пробуждался и проявлял себя зримо и агрессивно. После поражения Соединённых Штатов во Вьетнаме, казалось бы, мессианские настроения ослабли; у американцев наступило выздоровление и освобождение от имперско-мессианского синдрома. Но на современном этапе произошла его реанимация и, возможно, завтра он вновь отступит на задворки американской национальной ментальности, но вытравить его вряд ли удастся.

Важно отметить, что наряду с имперским мессианизмом на американскую внешнюю политику оказывали воздействие, подчас более серьёзное, другие факторы, которые уже невозможно отнести к цивилизационным и которые в равной степени присущи многим странам. Это, в первую очередь, экономиче-

---

²⁸ Они обстоятельно проанализированы Э.Я. Б а т а л о в ы м в его статье «Америка: страсти по империи». – «Свободная мысль – XXI», 2003, № 12.

ские интересы, как национальные, так и господствующего класса, а также конкретные политические расчёты, призванные обеспечить США ту позицию в мире, которая организует выгодный им баланс сил. Сочетание разнообразных и разнородных факторов, по формулировке американиста-международника А. Богатурова, обуславливает «сосуществование циничного прагматизма и воинствующего идеологизированного идеализма в рамках единого цивилизационного лона...»²⁹.

* * *

Подведу краткий итог. Задача данной статьи состояла в раскрытии реального и глубокого воздействия цивилизационных архетипов и факторов США на их развитие в прошлом и настоящем. Признание и тех и других, а также использование цивилизационного подхода при изучении Соединённых Штатов отечественной американистикой, как представляется, поспособствует расширению и углублению её научных позиций. Укажу на принципиальное отличие цивилизационного подхода от формационного, господствовавшего в американистике советского периода. Формационный подход абсолютизировал значение общих тенденций и закономерностей (которые, безусловно, существуют) в развитии американского и других капиталистических обществ, и это резко сужало и подавляло возможности постижения собственных сущностных черт североамериканского социума. Достоинство цивилизационного подхода состоит как раз в полном раскрытии этих черт. Но возводить цивилизационный подход единолично на теоретический пьедестал было бы не меньшей ошибкой, нежели возвеличивать формационный подход. Цивилизационный подход, безусловно, полезен для понимания долговременных тенденций американского общества, но не достаточен для полного решения самой задачи. Этот макротеоретический подход может быть одним из исследовательских инструментариев в теоретическом арсенале современной американистики, научной отрасли по сути глубоко междисциплинарной, а потому опирающейся на всю совокупность теорий и методов социальных и гуманитарных дисциплин.

---

²⁹ Богатуров А. Глобальные аспекты «цивилизационного» влияния США в XXI в. – «МЭиМО», 2007, № 9, с. 120.